
РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

РОССИЙСКО-ЕВРОСОЮЗОВСКОЕ И РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Р. Х. Симонян^а

^а Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России, 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76.

Поступила в редакцию 08.05.2019 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2019-3-3

© Симонян Р. Х., 2019

В современном мире возрастает интенсивность межцивилизационного, межкультурного и межгосударственного взаимодействия. Большое значение в этом процессе приобретают территории, где это взаимодействие происходит в формах непосредственного соприкосновения, — приграничные регионы, что вызвало появление нового направления научного знания — приграничного регионоведения. Российская Федерация обладает наиболее протяженной государственной границей, самым большим числом сопредельных стран, многовековым опытом мирного существования и сотрудничеством разных культур и, что особенно важно, двухконтинентальностью. В нашей стране, расположенной между двумя ведущими акторами мирового хозяйства — Евросоюзом и Китаем и соединяющей в единое целое огромный евразийский континент, становится все более востребованным исследование российско-евросоюзовского и российско-китайского приграничья. Это необходимо для более полного использования их стратегических преимуществ в целях социально-экономического развития нашей страны — задача, ставшая особенно актуальной для российской периферии после деиндустриализации, произошедшей в 1990-х годах. Цель статьи: на основе использования литературных источников, привлечения данных государственной и региональной статистики, результатов социологических исследований в русле приграничного регионоведения провести сравнительный анализ социально-экономических и демографических процессов, происходящих в западных, сопредельных с Евросоюзом, и восточных, сопредельных с Китаем, регионах России, что позволит, с одной стороны, обосновать геополитическую необходимость отхода от сырьевой модели экономики, а с другой — расширить теоретическую и методологическую базу формирования стратегии России по отношению к странам-соседям.

Ключевые слова:

приграничное регионоведение, компаративистика, экономика приграничных регионов, теневой бизнес, нисходящая демографическая динамика

Для цитирования: Симонян Р. Х. Российско-евросоюзовское и российско-китайское приграничье: экономическое и демографическое измерение // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 3. С. 43–60.
doi: 10.5922/2079-8555-2019-3-3

Введение

Отношения со странами-соседями — тема, во все времена волновавшая людей. В современном мире идея добрососедства становится все более осязаемой, ее экономическая роль подтверждается практикой. Нобелевский лауреат Пол Кругман подсчитал, что если бы США и Канада не были соседями, то объем их товарооборота был бы в 14 раз меньше [1, p.184]. Для России идея добрососедства особенно актуальна, так как она имеет самую протяженную в мире границу и самое большое количество соседних государств. Из 85 субъектов Федерации 47 являются приграничными. Через западное и восточное приграничье осуществляется непосредственный контакт с ключевыми акторами, формирующими новую конфигурацию миросистемы — Евросоюзом и Китаем. Расположенная между ними Россия занимает стратегически важное место, которое геополитики, начиная с классика Х. Макиндера [2], определили как «географическую ось истории», «хартленд», «осевое государство», «сердцевину», «мост», соединяющий гигантский Евразийский континент. «Геополитические центры, — подчеркивает З. Бжезинский, — это государства, чье значение вытекает не из их силы и мотивации, а из их важного местонахождения» [3, с. 55]. Значение этого моста возрастает в связи со смещением центра мировой экономики в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона [4, с. 33—34] и ростом экономического сотрудничества Европы и Азии. Помимо геостратегических аспектов соседства следует отметить и хозяйственные: Евросоюз и Китай являются самыми крупными экономическими партнерами России — соответственно 42,7 и 15,8 % нашего внешнеторгового оборота в 2018 году — и самыми перспективными: по сравнению с 2017 годом товарооборот с ЕС вырос на 19,3 %, с Китаем — на 27,1 %.

Общее и особенное западного и восточного приграничья России

Пять регионов Северо-Запада России — Мурманская, Ленинградская, Псковская, Калининградская области и Республика Карелия, составляющие российско-евросоюзное приграничье, соседствуют с пятью государствами Северо-Востока Европы — Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей, которые в течение длительного исторического периода входили вместе с Россией в единое государство.

Пять регионов Дальнего Востока России — Забайкальский, Хабаровский, Приморский края, Амурская и Еврейская автономная области, составляющие российско-китайское приграничье, соседствуют с Северо-Востоком Китая (Дунбэй), в который входят пять административных единиц — провинция Хэйлунцзян и четыре округа восточной части автономного района Внутренней Монголии. Эти регионы, входящие в состав исторической области Маньчжурии, также испытывали значительное влияние России¹.

Для России значение западного и восточного приграничья в процессе экономической интеграции Европы и Азии в единый Евразийский континент будет возрастать [5, с. 202]. Регионы сравнимых приграничьи отличаются по природным условиям, площади, удаленности от центра, протяженности государственной границы и ее обустройству, численности населения, демографической динамике, расстоянию столицы региона от границы, объему РВП, удельному весу теневой экономики, среднему душевому доходу, степени урбанизации, историческому опыту

¹ В том числе на рубеже XIX–XX веков в проекте создания «Желтороссии», рассматриваемого в связи со строительством КВЖД и русификацией городов Харбина и Дальнего [6].

взаимодействия с соседями, глубине включенности в международные экономические отношения, уровню институционализации приграничного сотрудничества и, что очень важно, по степени экономической связанности с сопредельной страной, но все они представляют целостность, объединенную общим мезопространством — приграничьем, в котором происходит процесс непосредственного взаимодействия с другим государством, другой культурой, другой цивилизацией, в результате чего между ними происходит социокультурная диффузия [7].

Как правило, российские приграничные регионы — это далекая от центра периферия, территории со слабо развитой промышленностью, что связано с естественным стремлением избегать строительства крупных хозяйственных комплексов вблизи государственных границ. Отсюда и малолюдность этих российских окраин, которая сужает возможности специализации региональной экономики, уменьшает выбор вариантов ее развития.

Особенность приграничных регионов заключается в противоречивости их статуса: с одной стороны, это, как правило, глубокая периферия государства, а с другой — геоэкономически и геополитически значимые регионы, важнейшие узлы взаимодействия двух соседних государств.

В экспорте приграничных регионов России как с Евросоюзом, так и с Китаем преобладают сырье и продукция с низкой добавленной стоимостью, в импорте — наоборот, готовые изделия с высокой степенью обработки. Приграничные регионы России заметно отстают по уровню социально-экономического развития от общероссийских показателей, но на Востоке отставание более существенно. В 2017 году ВРП на душу населения в северо-западных регионах в среднем был 373,7 тыс. руб., а в дальневосточных — 327,8 тыс. руб., что составляет лишь 84,2 и 73,3 % соответственно от российских значений². При этом если за предыдущие пять лет северо-западные регионы несколько сократили свое отставание (в 2013 году душевой ВРП составлял здесь 82,6 % от российского уровня), то дальневосточные — наоборот, усилили (с 76,9 % в 2012 году)³. Эта разница отражается в средних показателях уровня благосостояния населения: в рейтинге российских регионов российско-евросоюзское приграничье (38-е место) выше российско-китайского (53-е место).

Различия между западным и восточным приграничьями во многом обусловлены тем, что Россия соприкасается с Евросоюзом своей более развитой промышленной частью — Северо-Западом, с Китаем — менее развитыми регионами Дальнего Востока. Европоцентричность российской экономики особенно глубоко проявилась в переходный период, прежде всего в сфере внешней торговли, которая в развитии приграничных регионов играет весьма важную, а часто и определяющую роль. Для северо-западных регионов России основным торгово-экономическим партнером остается Евросоюз [8], прежде всего соседи — Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, а также Норвегия (не член ЕС, но входит в ЕАСТ), а для дальневосточных — Китай. Если для России в целом доля товарооборота с ЕС в 2018 году была 42,7 %, то для приграничных регионов — 65,3 %. На Востоке эта зависимость более существенна: при 15,7 % доли Китая в товарообороте России в целом, доля Китая в сопредельных регионах составляет 79,8 %⁴.

Экономическая политика, в которой господствует полная либерализация, а роль государства минимизирована, оказала огромное влияние на хозяйственную сферу России. В 1990-х годах возник широкомасштабный теневой сектор. Процесс кри-

² *Российский статистический ежегодник*. 2018. М., 2018. С. 143—144.

³ *Регионы России. Социально-экономические показатели*. 2018 : стат. сб. М., 2018. С. 184—191.

⁴ *Регионы России. Социально-экономические показатели*. 2018 : стат. сб. М., 2018. С. 578—579.

минализации привел к тому, что уже к концу 1994 года на территории России действовало более 15 тысяч организованных преступных групп (в 1990 году их было менее 30) [9, с. 77]. Согласно данным МВФ, опубликованным 24 января 2018 года, теневой сектор экономики России составляет 38,4 % от ВВП⁵. Снижение государственного контроля в сфере внешней торговли привело к тому, что приграничные регионы оказались менее защищенными от возникновения теневого сектора как на Западе [10], так и на Востоке [11], но Восток оказался значительно уязвимее для деятельности трансграничных криминальных сообществ. Во многом это объясняется различиями сопредельных стран.

Если на западном приграничье наши соседи — это в основном малые страны, то на восточном — гигантская страна с населением более 1,4 млрд чел., естественный прирост которого равен численности населения Финляндии, Эстонии и Латвии вместе взятых. Еще большая разница в экономическом потенциале: в 2017 году Китай произвел ВВП на сумму 12,27 трлн дол., что почти в 10 раз больше, чем Россия — 1,26 трлн дол.⁶ Взаимодействие государств имеет свои непреложные законы, в том числе асимметрию: более мощное сильнее воздействует на менее мощное, менее развитое активнее воспринимает и усваивает элементы от стоящего на более высоком уровне технологического развития.

Если экономическое взаимодействие с Европой происходит с момента рождения российского государства, то с Китаем оно началось на целое тысячелетие позже. Если на российско-евросоюзском приграничье взаимодействуют христианские цивилизации — западно-христианская и восточно-христианская, то на российско-китайском христианская цивилизация соприкасается с конфуцианством, буддизмом, даосизмом. Если население западного приграничья соседствует с государствами, в которых уровень благосостояния существенно выше, чем в России, то у населения восточного приграничья уровень благосостояния практически одинаковый с соседями⁷.

И наконец, если пограничный режим с Евросоюзом отличается жесткой регламентацией, строгим визовым режимом, требовательным пограничным и таможенным контролем, то граница с Китаем, открытая в 1992 году, не является серьезным барьером между двумя соседними странами.

Таким образом, общие, родовые свойства приграничных территорий дополняются действием географических, культурно-исторических, политэкономических и административно-правовых факторов, которые в русле общероссийского тренда выхода из кризиса переходного периода определяют особенности западного и восточного приграничья, что наиболее четко проявляется в экономических и демографических процессах.

Экономика приграничных регионов Северо-Запада России в постсоветский период

Упадок производственно-хозяйственной сферы в 1990-х годах, вызвавший не имеющее аналогов в истории России сокращение промышленного производства на

⁵ Более подробно см.: *Теневая экономика стран мира* // Fincan.ru. URL: <http://fincan.ru/articles/95tenevaja-economika-stran-mira/> (дата обращения: 08.04.2019).

⁶ В 1978 году (год начала экономических реформ Дэн Сяопина) ВВП России (тогда РСФСР) в 4,7 раза превышал ВВП КНР.

⁷ В рейтинге МВФ за 2018 год по показателю ВВП на душу населения Финляндия с 45 тыс. дол. занимает 18-е место среди стран мира, Эстония — 41-е (20,6 тыс. дол.), Литва — 49-е (17,1), Латвия — 52-е (16,2), Польша — 56-е (13,9), Китай — 71-е (9,5), Россия — 73-е (9,3).

56 % [12, р. 249], глубоко отразился на жизни даже таких индустриальных центров, как Москва и Петербург, но наибольшие потери понесла провинция, в том числе и регионы Северо-Запада, граничащие с Евросоюзом.

Так, ведущая в Мурманской области отрасль — рыболовство — в 1991 году имела 435 промысловых судов, в 2000-м — 279, а в 2017-м — 191, из которых треть — это малые или маломерные суда, осуществляющие лов только в прибрежных водах. Упадок отрасли произошел в результате приватизации промыслового флота, когда определяющими стали частные интересы владельцев судов. Рыбоперерабатывающие предприятия лишились рыбного сырья, которое владельцам судов выгоднее продавать в соседние страны [13]. Это общее явление для рыболовной отрасли, приведшее к тому, что к началу 2000-х годов потребление рыбы населением России снизилось более чем вдвое. Упадок рыбной промышленности не преодолен до сих пор.

Экономику Мурманской области — основной базы Северного флота и форпоста арктического проекта России — определяют ее недра, содержащие свыше тысячи различных минералов, в том числе никель, медь, железо, алюминий, кобальт, платину, осмий, тантал, апатиты и многие другие. Товары цветной металлургии и химической промышленности доминируют в структуре внешнеторгового товарооборота с соседями — Финляндией и Норвегией: в экспорте — соответственно 81,7 и 68,5 %⁸.

В настоящее время в Мурманской области более 40 проектов с соседними государствами реализуется в рамках Баренцева сотрудничества и 43 проекта — в рамках программы «Коларктик». В рейтинге регионов — 14-е место по объему ВРП на душу населения, 36-е место по уровню жизни.

Основа экономики Республики Карелии — лесная, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная отрасли. В результате приватизации зарубежные фирмы получили в лесозаготовительных предприятиях республики крупные, а часто и контрольные пакеты акций. По существовавшему тогда российскому законодательству иностранный инвестор мог претендовать только на 35 % акций предприятий, но были найдены схемы для обхода запрета. Так, контрольный пакет акций Сегежского ЛДК перешел к четырем иностранным фирмам за 700 млн руб. при стоимости основных фондов 26 млрд руб. [14]. При этом иностранные предприниматели не стремились вкладывать инвестиции в техническое развитие карельских предприятий, их больше интересовала древесина как сырье. Начиная с 1990-х годов значительная часть вывоза древесины осуществляется в сфере теневой экономики.

И западное и восточное приграничье — территории, обладающие богатыми лесными ресурсами, в которых самый широкодоступный способ криминального бизнеса — нелегальный вывоз круглого леса. По оценкам Всемирного фонда дикой природы России и Всемирного банка, до 25 % древесины, заготавливаемой в России, имеет незаконное происхождение, то есть если, по данным Росстата, в 2017 году было заготовлено 208 млн м³ древесины, то объем нелегального вывоза составляет 40—50 млн м³. Из-за незаконной рубки леса и его продажи в соседние страны государство ежегодно теряет не менее 100 млрд руб.⁹

Среди 94 торговых партнеров Карелии основным является Финляндия — 25,2 % товарооборота. В рейтинге регионов Карелия занимает 33-е место по величине ВРП на душу населения, 74-е — по уровню жизни.

Самый индустриальный регион западного приграничья — Ленинградская область с ее почти 1400 промышленными компаниями, расположенными в Гатчине,

⁸ Мурманская область. Статистический ежегодник, 2017 / Федеральная служба государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2018.

⁹ Цыганкова С. В Карелии растет число «черных лесорубов» // Российская газета. 2015. 9 июня. С. 7.

Колпино, Ижоре, Выборге, Киришах, Тосно, Пикалёве и др. По многим экономическим и демографическим показателям Ленинградская область занимает лидирующие позиции в рейтинге регионов России. Здесь последствия экономических реформ в сравнении с другими регионами ощущались менее остро, чему способствовала и близость Петербурга. На долю промышленности (машиностроение, в том числе транспортное, химия, нефтехимия, лесопереработка, пищевая) приходится более 40 % ВРП области — самый высокий показатель в российском приграничье [15]. Во внешнеторговом обороте, превысившем в 2017 году 9,2 млрд дол., среди основных контрагентов соседи — Финляндия (8,1 %, 2-е место) и Эстония (2,8 %, 7-е место)¹⁰. Выход к Балтийскому морю, а через него в иностранные порты обеспечивает не только развитие экономики Ленинградской области, но и транспортную независимость России. Грузооборот четырех наиболее крупных морских портов (Усть-Луга, Приморск, Высоцк, Выборг) составляет четверть общего грузооборота морских портов России.

Подавляющее число приграничных муниципалитетов области имеют соглашения о сотрудничестве с сопредельными муниципалитетами: Нарва — Ивангород, Иматра — Светогорск, Сланцы — Кохтла-Ярве, Выборг — Лаппеенранта, Гатчина — Эспоо, Кингисепп — Йыхви и т. д. Через Ленинградскую область осуществляется прямой выход из центра России в Европу по федеральной автострате «Скандинавия», которая является составной частью 9-го трансевропейского коридора. Объем инвестиций финских компаний в экономику области в 2013 году — последнем досанкционном — составил 247,3 млн дол. В настоящее время действует подписанный в 2011 году Протокол о развитии сотрудничества между Правительством Ленинградской области и региональным управлением Южной Финляндии. Ленинградская область — один из лидеров регионов России по объему иностранных инвестиций, которые составляют около 30 % поступления частных инвестиций. В рейтинге российских регионов за 2018 год — 15-е место по объему ВРП на душу населения, 11-е — по уровню жизни.

В Псковской области пик падения производства пришелся на 1993—1995 годы, когда закрылись многие машиностроительные предприятия. Еще более чувствительный удар был нанесен агропромышленному комплексу. В регионе, располагающем половиной сельскохозяйственных угодий Северо-Запада России, резко сократились посевные площади. Если в 1990 году распахивалось 878 тыс. га, то в 2000-м — 563 тыс. га. В 3 раза сократилось поголовье крупного рогатого скота, практически прекратилось материально-техническое снабжение сельского хозяйства¹¹. К началу 2000-х годов подавляющее большинство агрохозяйств области были убыточными. К настоящему времени положение удалось стабилизировать, аграрный сектор занимает важное место в объеме производства и приграничной торговле, чему способствует выгодное географическое положение области — она граничит с тремя государствами: Эстонией, Латвией и Беларусью. Страны Балтии лидируют в экспорте товаров: Эстония — 44,1 %, Латвия — 14,8 %, Литва — 9,3 %. В импорте Эстония и Латвия занимают 6-е и 7-е места. Регион остается одним из наиболее депрессивных. В рейтинге РВП на душу населения — 69-е место, в рейтинге уровня жизни — 59-е. Наряду с Карелией Псковская область является самой социально проблемной в западном приграничье.

В особенно сложной ситуации оказалась Калининградская область, ставшая после распада СССР эксклавом: достичь России без пересечения территории ино-

¹⁰ Ленинградская область. 2018. СПб., 2018.

¹¹ *Бюллетень* Федеральной службы государственной статистики по Псковской области. Псков, 2001.

странных государств можно только по Балтийскому морю. Это создало дополнительные трудности для экономики, которых не знали все остальные регионы России. Осенью 1991 года область была объявлена свободной экономической зоной «Янтарь», в которой «прозрачность государственных границ в какой-то мере облегчала значительной части жителей выживание в новых экономических условиях. Но в то же время она создавала такие проблемы, как контрабанда, неуплата налогов и т. д.» [16, с. 104].

В 1990-х годах промышленное производство в области сократилось в большей степени, чем в среднем по России: объем выпуска промышленной продукции в 2000 году составил 40 % от уровня 1990 года¹², тогда как в среднем по России — 52 %, что объясняется резким удорожанием ввоза сырья, топлива, электроэнергии и комплектующих. Расстояние по прямой от границы Калининградской области до другой ближайшей российской области — Псковской — более 370 км. Для того чтобы попасть сухопутным путем из Калининграда в Москву, нужно пересечь территории двух государств — Литвы и Беларуси.

В 1996 году был принят федеральный закон «Об Особой экономической зоне в Калининградской области», направленный на выравнивание экономических условий развития области с остальными регионами Российской Федерации, — весьма половинчатый документ, не способствующий использованию выгодного географического положения для ускоренного развития как области, так и России в целом¹³. В то время эксклавность Калининградской области могла быть использована в качестве своеобразного адаптера для развития сотрудничества между Россией и Евросоюзом, что было тогда особенно актуально в связи с предстоящим вступлением ее соседей — Польши и Литвы — в Евросоюз — это придавало российско-евросоюзовскому приграничью, как и Балтийскому региону в целом, важное геоэкономическое значение [17—19]. В тот благоприятный период это преимущество использовать не удалось.

В 2006 году была принята новая редакция Закона об ОЭЗ, что способствовало росту промышленного производства. Сегодня удельный вес промышленности в структуре ВРП области составляет 34—35 %, не менее трети — это машиностроение и приборостроение. В области производится сборка немецких и корейских автомобилей, предполагается создать кластер по производству автокомпонентов [20]. В 2021 году начнет действовать железнодорожный паром Усть-Луга — Балтийск, что снизит зависимость эксклава от тарифной политики Литвы и Беларуси.

Калининградская область относится к числу самых аграрно освоенных регионов России. Общая площадь сельхозугодий превышает 800 тыс. га, что составляет 60 % территории региона. В 2018 году область экспортировала сельскохозяйственную продукцию на 1 млрд дол., из общего объема 21 млрд дол. российского экспорта, то есть почти 5 %. Внешнеторговый оборот с Польшей, достигший пика в 2013 году, — 995,5 млн дол., хотя и снизился на 47 %, но позволил сохранить ей 6-е место в десятке самых крупных торговых партнеров Калининградской области, занимающей 29-е место по объему ВРП на душу населения, 10-е место по уровню жизни.

В настоящее время, несмотря на введенные в 2014 году экономические санкции [21], российско-европейское приграничье постепенно преодолевает с большими (Ленинградская и Калининградская области) или меньшими (Республика Карелия и Псковская область) успехами глубокий трансформационный кризис 1990-х годов.

¹² *Российский статистический ежегодник*. 2001. М., 2001. С. 123.

¹³ См. подробнее: *Симонян Р.Х.* Калининградский эксклав — ключ к Балтийскому региону // *Российская газета*. 2003. 31 дек. С. 8.

Значительную роль в экономике приграничных регионов играют торгово-экономические связи с сопредельными странами, особенно это характерно для Псковской области и Карелии, не имеющих выходов к морю.

Приграничные регионы Дальнего Востока России в постсоветский период

Подобные экономические процессы происходят и на восточном, российско-китайском приграничье, но есть существенная разница. Хозяйственное освоение Дальнего Востока началось сравнительно недавно, со второй половины XIX века. Особенно интенсивно это происходило во время Столыпинских реформ и в советский период, когда были созданы различные социально-экономические механизмы для привлечения в этот район трудовых ресурсов¹⁴. За 50 лет численность населения Дальнего Востока увеличилась в 4 раза — с 310 тыс. чел. в 1863 году до 1,2 млн в 1913-м. После гражданской войны (1917—1922) она уменьшилась до 820 тыс. чел., а за 70 лет советской власти возросла почти в 10 раз — до 8,1 млн в 1990 году.

Такие, не имеющие аналогов в мировой практике темпы были возможны только при признании Дальнего Востока приоритетным регионом страны. Именно этот статус способствовал его превращению в развитый хозяйственный комплекс, обеспечивающий защиту стратегических интересов страны. Задача, ставшая еще более актуальной в результате распада СССР, сделавшего страну «более евразийской, чем когда бы то ни было, такой, какой ее никогда не хотели видеть те, кто правил ею на протяжении веков» [22, с. 310].

Но в начавшихся в 1992 году экономических реформах стратегические интересы России утратили актуальность, что соответствовало цели новой либеральной номенклатуры — максимальному выведению государства из сферы экономики. «Более того, своей историей и современным состоянием, геополитической ролью и социально-экономической структурой Дальний Восток вставал как бы наперекор тому направлению преобразований, которое избрало руководство страны» [23, с. 149]. Парадокс заключался в том, что, внедряя сырьевую модель экономики, именно Восток страны с его природными богатствами российские реформаторы объявили «ответственным» за ресурсно-сырьевую специализацию российской экономики [24, с. 31].

Идея радикального неолиберализма — чем сильнее разрушится прежняя политэкономическая структура, тем легче и мощнее выстроится новая экономика, в которой все отрегулирует рынок, описанная Й. Шумпетером в его знаменитой монографии в главе «Процесс “созидательного разрушения”» [25], наиболее последовательно и полно была реализована на Дальнем Востоке. Академик П. А. Минакир, директор Института экономических исследований ДВО РАН, так характеризовал возникшую ситуацию: «В 1992—1994 годах экономика Дальнего Востока напоминала смертельно больного человека, на излечение которого бессмысленно тратить деньги...» [26, с. 388].

Дальний Восток в период экономических реформ испытал наибольшую депривацию. Если в целом по России промышленное производство, как было отмечено, в 2000 году составило 52 % от дореформенного уровня, то на Дальнем Востоке — менее 40 % [27, с. 5]. То есть, не будучи эксклавом, эта огромная часть России (41 % ее территории) оказалась в положении Калининградской области, что создало для Дальнего Востока крайне тяжелую ситуацию.

¹⁴ В Российской империи переселенцы освобождались от государственных повинностей на 20 лет, от уплаты местных налогов — на 3 года, а также от военной службы. В СССР для привлечения переселенцев были установлены различные экономические и социальные льготы.

Во-первых, стремительный рост транспортных тарифов в сочетании с удаленностью от промышленных центров России практически лишил возможности вывоза произведенной продукции на российский рынок, вследствие чего многие даже уцелевшие после приватизации предприятия были закрыты. Во-вторых, здесь были сосредоточены капиталоемкие добывающие отрасли, требующие значительных инвестиций, но с началом реформ централизованное финансирование практически прекратилось. В-третьих, утрата приоритетности вызвала отток трудоспособного населения. В-четвертых, ликвидация колхозов и совхозов привела к кризису аграрного сектора. В-пятых, наиболее болезненный удар пришелся по машиностроению, черной металлургии, легкой промышленности, производству строительных материалов, доля которых в стоимости промышленной продукции снизилась с 31,7 до 12,8 %. В евросоюзском приграничье не было столь резкого падения [26, с. 374].

В Забайкальском крае перестали существовать такие крупные предприятия, как Петровско-Забайкальский металлургический завод, Читинский станкоинструментальный завод, Читинский камвольно-суконный комбинат и др. С развалом лесной отрасли начались массовые незаконные вырубки леса и поставки необработанной древесины в Китай [11, с. 151]. К середине 2000-х годов в крае сохранилась лишь $\frac{1}{3}$ промышленности, в основном за счет предприятий энергетики и цветной металлургии. Забайкальский край, в недрах которого имеются запасы почти всех видов полезных ископаемых (золото, серебро, молибден, титан, вольфрам, железо, медь, олово, цинк, свинец, уран и др.), оказался весьма привлекательным для китайских инвестиций в горнорудную промышленность. Край экспортирует в Китай руду и лесоматериалы, а импортирует товары народного потребления, различное оборудование. Во внешней торговле края доля Китая составляет 90 %. «КНР практически определяет экономическое будущее региона» [28, с. 28]. Среди регионов российско-китайского приграничья Забайкалье оказалось одним из самых социально неблагополучных. По ВРП на душу населения в рейтинге российских регионов — 63-е место, по уровню жизни — 83-е.

Амурская область отличается наиболее благоприятными природно-климатическими условиями на Дальнем Востоке. Площадь сельскохозяйственных угодий области составляет 17,9 тыс. км², из них пашня занимает 12,1 тыс. км² (63 % всех пахотных земель Дальнего Востока). Падение производства, разрушение инфраструктуры и интеграционных связей привело к резко возросшим издержкам производства сельхозпродукции. Объем зерновых уменьшился с 905,3 тыс. т в 1991 году до 341,8 тыс. т в 2002 году; мяса соответственно с 84,7 тыс. т до 21,3 тыс. т; молока — с 392,1 тыс. т до 171,1 тыс. т; яиц — с 302,8 тыс. шт. до 199,6 тыс. шт. Если в 1991 году Амурская область обеспечивала себя сельскохозяйственной продукцией на 85 %, то в 2017-м лишь на 42 %¹⁵. Остальное ввозится из Китая, доля которого в общем объеме импорта в 2017 году составила 96,8 %. Структура товарооборота традиционна для нынешней российско-китайской торговли: в Китай, покрывающий 81,7 % экспорта области, идут сырье и продукция с низкой добавленной стоимостью, из Китая — товары народного потребления. «Амурская область обречена на сотрудничество с Китаем», — подчеркнул в июле 2018 года губернатор области В. Орлов¹⁶. Здесь около 400 китайских и совместных с Китаем предприятий (больше только в Приморском крае). В рейтинге ВРП на душу населения Амурская область занимает 41-е место, по уровню жизни — 53-е.

¹⁵ Амурская область. Только факты. Благовещенск, 2018.

¹⁶ Василий Орлов : Амурская область обречена на сотрудничество с Китаем // Amur Info. 2018. 21 июля. URL: <https://www.amur.info/news/2018/07/21/141193> (дата обращения: 08.04.2019).

Самый небольшой по размерам регион восточного приграничья — Еврейская автономная область (ЕАО) — к концу 1990-х годов превратился в один из социально-экономических аутсайдеров России (ниже была только Тыва). К 1998 году в ЕАО осталось всего 15 % от уровня 1990 года, последующее восстановление шло медленно: даже через 20 лет после начала реформ — в 2012 году — в области производилось менее 25 % от объема промышленной продукции 1990 года [29].

В то же время по производству сельскохозяйственной продукции в расчете на душу населения ЕАО опережает все регионы Дальнего Востока. Здесь благоприятные условия для выращивания сои, составляющей основу аграрного сектора: ЕАО обеспечивает 5—6 % валового сбора сои в России. Есть сдвиги и в промышленности, в 2018 году вступил в строй Кимкано-Сутарский ГОК — самое большое предприятие области, на нем трудятся около 1,5 тыс. чел.

Из всех регионов восточного приграничья ЕАО получила наибольший выигрыш от усиления азиатского вектора в политике России. В последние три года экономика ЕАО переживает инвестиционный бум, связанный со строительством нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» и газопровода «Сила Сибири», направленных в Китай, являющийся основным партнером во внешней торговле ЕАО, на долю которого в 2017 году пришлось 97,8 % внешнеторгового оборота (99,2 % экспорта, 94,3 % импорта). В 2019 году завершится строительство через Амур железнодорожного моста в Китай, по которому будет перевозиться 22 млн т грузов в год. Главные статьи экспорта — руды и железные концентраты (73,3 %), соя (15,6 %), необработанные лесоматериалы (5,4 %). По рейтингу ВРП на душу населения у ЕАО 53-е место, по уровню жизни — 78-е.

С наибольшим уроном экономические реформы пережил Хабаровский край — регион с самой развитой и диверсифицированной промышленностью. Практически парализованное распределение государственных ресурсов, ликвидация системы гарантий государственного спроса особенно болезненно сказались на тяжелой и оборонной промышленности, в первую очередь это коснулось Комсомольска-на-Амуре, где сосредоточены предприятия ВПК. «В процессе деиндустриализации 1990-х гг. основа региональной промышленности — оборонный комплекс — воспринималась как тяжелое наследие прошлого, как бремя, оставшееся от рухнувшей империи» [26, с. 252].

Отмена преференций, предусмотренных государственной программой развития до 2000 года, разрешение договорных цен на конечную продукцию при фиксированных ценах на сырье привели к переливу доходов в европейские регионы страны; резкое возрастание железнодорожных тарифов, в то время как сбыт продукции и кооперационные связи были ориентированы на внутрисоюзный рынок — нанесло промышленности тяжелый удар. Потеря рынков привела к быстрому сокращению промышленного производства, объем которого к 1996 году составил лишь 43 % к уровню 1990 года. Спад производства дополнил разразившийся в августе 1998 года финансовый кризис.

В то же время азиатский вектор российской политики, усилившийся после охлаждения отношений со странами Запада, создает дополнительные возможности для развития Хабаровского края — хозяйственного, научного и культурного центра Дальнего Востока. В этой связи возрастают торгово-экономические связи с Китаем, в крае свыше 300 китайских и совместных с Китаем предприятий. Между краем и провинцией Хэйлунцзян установлены побратимские связи. Китай — основной внешнеторговый партнер: в 2018 году объем товарооборота с Китаем превысил 1,2 млрд дол. — это 59,6 % (71,5 % экспорта края и 37,8 % импорта) общего объема внешнеторгового оборота края. Хабаровский край занимает самые высокие для восточного приграничья места в рейтингах ВРП на душу населения — 18-е, по уровню жизни — 29-е.

У Приморского края, испытавшего тот же комплекс негативных проблем, возникших в 1990-х годы, — резкий спад производства, закрытие многих ведущих предприятий, снижение уровня жизни населения, рост социальной напряженности — были по сравнению с другими регионами восточного приграничья свои ресурсы для выживания. Приморье — это морские ворота Дальнего Востока, более 1,5 тыс. км побережья с крупнейшими портами — Восточный, Находка и Владивосток, который наконец перестал быть «закрытым» (с 1952 года) городом.

Портовые города — это всегда дополнительные возможности для получения доходов, меньшая зависимость от «метрополии», что порождает у руководителей государства опасения политического сепаратизма, усилившиеся в конце 1990-х годов, когда резко ослабла центральная власть. К сожалению, эти опасения, чаще мнимые, многие годы препятствовали извлечению как региональной, так и общегосударственной выгоды, коренящейся в географических преимуществах приморских регионов России [30].

Отсутствие необходимых для жизнедеятельности края товаров из России в 1990-х годах не оставило Приморскому краю иного выхода, как компенсировать их ввозом из соседних стран. Особенно заметно это проявилось в сфере потребления. Если до 1990-х годов 80 % продуктов питания были российскими, то теперь большая часть прибывала из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в основном из Китая [31].

В 2015 году Владивосток получил статус Свободного порта. Сегодня более 20 китайских предприятий работают в рамках территории опережающего развития (ТОР) «Владивосток»¹⁷. Приморье отличается самым большим количеством китайских и совместных с Китаем предприятий — 637, и самым большим объемом товарооборота с Китаем, но его доля в общем товарообороте существенно меньше, чем в других регионах восточного приграничья. Здесь рядом и другие выгодные партнеры — Япония и Южная Корея, которые наряду с Китаем являются основными инвесторами края. В уровне диверсификации внешней торговли можно отметить сходство Приморья с Мурманской, Калининградской и, особенно, Ленинградской областями. В 2018 году товарооборот края с Китаем составил 55,4 % от внешнеторгового оборота региона. Приморский край экспортирует продукты питания, нефтепродукты, лесоматериалы, оборудование и транспортные средства, импортирует пластмассовые изделия, текстиль, обувь, оборудование. В рейтинге регионов России — 31-е место по среднедушевому ВРП и 50-е по уровню жизни¹⁸.

Если в приграничных регионах Северо-Запада России внешняя торговля с соседними странами помогла преодолеть кризис 1990-х годов, компенсируя бюджетные потери приграничной торговли, то для Дальнего Востока внешнеторговая деятельность оказалась практически единственным способом выживания: если до экономических реформ Дальний Восток вывозил 87,4 % продукции машиностроения, сырья, полуфабрикатов на общероссийский рынок, то к концу 1990-х годов эта цифра упала до 10,2 % [26]. И сегодня, по данным Росстата, на экспорт идет в 6—7 раз больше продукции, чем в остальную Россию. Особенно это относится к сырьевым ресурсам.

Из всех потребителей российской древесины на протяжении ряда лет Китай остается вне конкуренции: объем импорта за последние пять лет вырос с 2,23 до 3,18 млрд дол., то есть более чем на 40 %. И эта тенденция будет продолжена, так как в самой Поднебесной вырубка запрещена еще в 2005 году, чтобы к 2025 году

¹⁷ Свободный порт (порто-франко) — это территория, которая пользуется особыми режимами таможенного, налогового, инвестиционного и административного регулирования.

¹⁸ Эти цифры в достаточной степени условны из-за высокой доли теневого бизнеса в регионе.

$\frac{1}{4}$ части Китая занимали леса. Более 60 % российского экспорта древесины приходится на три страны: на Западе — это Финляндия (5,8 %), на Востоке — Китай (41,4 %) и Япония (5,9 %). На Западе главные экспортеры — это Ленинградская область (в 2017 году — 491 тыс. м³) и Карелия (364 тыс. м³), на Востоке — Хабаровский (2 253 тыс. м³) и Приморский край (902 тыс. м³). В целом восточное приграничье поставляет в Китай древесины в 3,5 раза больше, чем западное в Евросоюз. Если между объемом легального и нелегального вывоза существует прямая корреляция, то теневой рынок на востоке в 3,5 раза больше. В реальности разница более существенная, и не только потому, что граница с Китаем на 1,5 тыс. км длиннее, и, следовательно, труднее организовать контроль, но прежде всего потому, что в Евросоюзе происхождение древесины значительно строже контролируется.

Теневой сектор занимает в экономике восточного приграничья намного больше места, чем в экономике западного. Контрабанда на Дальнем Востоке осуществляется в размерах, многократно превышающих официальные статистические показатели. Так, дальневосточные рыболовы отгружают улов в японские порты, а взамен берут на борт подержанные японские автомобили для сбыта на родине. Японская статистика фиксирует импорт рыбы из России в количестве, которое в 2,5—3 раза превышает данные российской таможни. Еще большие несовпадения статистик — в импорте ширпотреба из Китая [11].

Следует также подчеркнуть, что если для Евросоюза наша страна по объему торгового оборота — устойчивый третий партнер, то для Китая мы лишь пятнадцатые. Российско-китайские торговые отношения продолжают крепнуть, однако они всё больше отвечают интересам скорее Китая, чем России¹⁹. Зарубежные аналитики видят в этом симптомы будущих негативных сценариев для России. «Экономические неудачи России подорвали ее стремление к стабильному статусу великой державы в Азии и ее способность играть эту роль, — считает американский обозреватель С. Бланк. — Если эти тенденции сохранятся, Россия станет младшим партнером Китая и поставщиком сырья, а не самостоятельной державой в Азии» [32, р. 43]. Дальний Восток продолжает «выпадать» из российского экономического пространства и всё более втягиваться в орбиту экономик быстро развивающегося Китая. На Западе такой опасности сопоставимо меньше. Как и значительно меньше доля теневой экономики, основную часть которой составляет нелегальный вывоз леса.

Демографические процессы на территории двух приграничий

Острее демографические проблемы возникли с начала проведения реформ. В 1993 году впервые после войны смертность в стране превысила рождаемость, а население в массовом порядке стало покидать периферийные регионы страны. Депопуляция населения²⁰, как и его отток из провинции продолжается. Российско-евросоюзское приграничье, насчитывающее в последнем дореформенном 1991 году 5,4 млн чел., в 2018 году уменьшилось до 4,8 млн чел., то есть на 11,2 %. При этом убыль населения произошла только в Мурманской, Псковской областях и Республике Карелии. В Ленинградской и Калининградской областях осуществился его прирост [33]. В российско-китайском приграничье демографические потери за этот период были намного весомее: с 6,82 млн чел. до 4,95 млн чел., то есть убыль составила 27,9 %. В отличие от европейского все регионы китайского приграничья почти в равной мере — от 24,5 до 29,2 % — понесли потери человеческого потенциала. Причем уезжают самые молодые и образованные люди, а главное, адаптированные к местным условиям [34].

¹⁹ Так, россияне платят за электричество 5,5 руб. за киловатт, а в Китай мы продаем по 1,5 руб.

²⁰ По данным Росстата, численность населения России в 2018 году сократилась на 93,5 тыс. чел.

В российско-евросоюзовском приграничье миграционный взрыв датируется 1992 годом — временем начала реформ: в Псковской области отток населения был в 5,5 раз, в Мурманской области — в 7 раз, в Карелии — в 7,5 раз больше, чем в 1991 году. Восточное приграничье среагировало на реформы позже — в 1993 году, тогда уехало 67,6 тыс. чел. — в 8,7 раз больше, чем в 1992 году.

В советский период население восточного приграничья было сравнительно молодым и отличалось низким уровнем смертности. Коэффициент рождаемости здесь всегда был выше, чем по стране в целом. С начала реформ смертность населения на Дальнем Востоке стала расти темпами, намного опережающими аналогичные показатели по России, а с 1994 года стала превышать рождаемость. В 1993—2003 годах смертность в России выросла на 13,7 %, а на Дальнем Востоке — на 26,4 %. Своего пика численность дальневосточников достигла в конце 1991 года — 8,2 млн чел. — последнего дореформенного, и с тех пор она неуклонно снижается. По данным Росстата, население ДВО в 2018 году в целом составило 6,1 млн чел., то есть за пореформенный период Дальний Восток потерял более 2 млн чел. — четверть населения.

Есть некоторые отличия и в национальном составе населения приграничий. На Востоке приграничные регионы «более русские» — средняя доля этнически русских — 93,8 % (от 90,5 % в Забайкальском крае до 94,7 % в Амурской области), в то время как на Западе доля этнических русских — 84,3 %: от 78,4 % в Карелии до 94,3 % в Псковской области, которая по этому показателю ближе к восточному приграничью.

В 2018 году на западном приграничье убыль населения продолжается в трех регионах: в Мурманской области (убыль 5479 чел. — 0,75 % населения), Карелии (4428 — 0,7 %), Псковской области (6873 — 1,1 %) В двух происходит прирост: в Ленинградской — 14 069 чел. (0,7 %) и Калининградской области — 7523 чел. (0,75 %). На востоке убыль наблюдается по всем регионам: Забайкалье — 3410 чел. (0,4 %), Амурская область — 5230 чел. (0,8 %), ЕАО — 2141 чел. (1,2 %), Хабаровский край — 6807 чел. (0,6 %), Приморский край — 10 316 чел. (0,6 %). Это означает, что на население российско-китайского приграничья, составляющее всего 3,4 % населения России, приходится почти треть часть годового сокращения численности населения страны. Это тревожный симптом. В существующей налоговой системе «центр — регионы» и при политике, направленной на создание и развитие мегаполисов²¹, нисходящую демографическую динамику российско-китайского приграничья будет трудно преодолеть. Так, население Москвы в 2000 году составляло 9,8 млн чел., в 2018-м — 12,6 млн чел. Численность населения московской агломерации — более 20 млн чел., и она быстро возрастает, так же, как и отток населения из российской периферии. Иного способа сделать московский мегаполис 30-миллионным как обезлюдить российскую провинцию не существует.

На территории пяти регионов российско-евросоюзовского приграничья вместе с Петербургской агломерацией проживают сегодня 10,9 млн чел., которые соседствуют с 12,5 млн чел. Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии, Варминьско-Мазурского воеводства Польши и провинции Финнмарк Норвегии. Здесь, с поправкой на миграционные тенденции в странах Восточной Европы [35], наблюдается примерное равенство, особенно если учесть присутствие около 2 млн русскоязычных в этих странах. Кардинально иная демографическая ситуация на Дальнем Востоке, где менее 5 млн жителей приграничных регионов России соседствуют с 125 млн жителей соседних регионов Китая. Это является одним из важнейших отличий российско-евросоюзовского и российско-китайского приграничий, заключающих в себе особый геополитический смысл с учетом депопуляции населения России и естественного прироста населения Китая — 8 млн чел. в год.

²¹ Задачу развития мегаполиса Москвы и доведения его численности до 30 млн чел. подчеркнул 8 декабря 2018 года мэр Москвы С. Собянин, выступая на VI Общегражданском форуме.

По прогнозам ЦСУ СССР, сделанным в 1985 году, население Дальнего Востока к 2020 году должно было составить 10,8 млн чел. По прогнозам Росстата 2015 года при сохранении нынешних тенденций к 2025 году население Дальнего Востока составит 5,6 млн чел., что несовместимо с задачами по развитию региона и обеспечению национальной безопасности России.

Заключение

Сферой жизненных интересов России является взаимодействие с сопредельными государствами, в отношении с которыми важная роль принадлежит российским приграничным регионам, выступающим и форпостами страны, и посредниками в сотрудничестве. Выполнение этих функций придает приграничным регионам специфические черты, объединяющие их в особую группу, научный и общественный интерес к которой постоянно возрастает. В условиях интенсификации экономических связей Евросоюза и Китая, в том числе и в рамках международного проекта «Новый шелковый путь», особую актуальность приобретает исследование хозяйственных потенциалов наших западных и восточных приграничных регионов и путей их эффективного использования для социально-экономического развития России. На фоне экономических успехов непосредственных соседей — Евросоюза и Китая — архаичность экономической модели, основанной на продаже сырьевых ресурсов, в этих регионах является особенно резким контрастом.

Что же касается различий между западными и восточными регионами, то они во многом связаны с исторически сложившейся евроцентрической структурой народного хозяйства России. В советский период эти различия последовательно уменьшались. После деиндустриализации страны 1990-х годов, нанесшей огромный ущерб российской периферии, в том числе и приграничным регионам, произошло увеличение числа этих различий — социально-экономических, демографических, административно-правовых. Негативные результаты экономических реформ в наибольшей степени отразились на восточных рубежах нашей страны. По сравнению с западным восточное приграничье становится социально-экономическим и, что особенно недопустимо, демографическим аутсайдером, что не только препятствует хозяйственному развитию восточного приграничья, но и содержит угрозу территориальной целостности нашей страны.

Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта №1921-01-01 «Социокультурный феномен приграничья на постсоветском пространстве: массовое сознание, этнокультурные и конфессиональные идентичности, социальные практики».

Список литературы

1. *Krugman P.R.* Increasing Returns and Economic Geography // *The Journal of Political Economy* 1997. № 9. P. 181—188.
2. *Макиндер Х.Дж.* Географическая ось мира // *Политические исследования*. 1995. № 4. С. 162—170.
3. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М., 2010.
4. *Кочегарова Т.М.* Запад и Восток России: сравнительный анализ приграничного взаимодействия с соседними государствами // *Горизонты экономики*. 2015. № 3. С. 33—38.
5. *Воротников В.В.* Внешняя политика государств Балтии в начале XXI века. М., 2015.
6. *Левитов И.* Желтороссия как буферная колония. СПб., 1903.
7. *Симомян Р.Х.* Концепция мезоуровня применительно к региону // *Социологические исследования*. 2010. № 5. С. 52—61.
8. *Симомян Р.Х.* Россия и Евросоюз: Балтийский потенциал экономической интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. № 4. С. 48—60.

9. *Организованная преступность в России: теория и реальность* / науч. ред. проф. Я. Гиллинский. СПб., 1998.
10. *Новиков Д. В.* Особенности теневой экономики в условиях ОЭЗ (на примере Калининградской области) // Российское предпринимательство. 2010. № 1. С. 24—30.
11. *Сухаренко А. Н.* Теневая экономика Дальнего Востока: мрачные перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 3. С. 148—156.
12. *Reddaway P., Glinesky D.* The Tragedy of Russia Reforms: Market Bolchevism against Democracy. Washington, D. C., 2001.
13. *Хомуха С. А.* Проблемы и перспективы развития организационно-экономического управления производственной деятельностью территориально-производственных комплексов в Мурманске // Российское предпринимательство. 2012. № 7. С. 162—168.
14. *Ромашкина Ю. В.* Асимметрии рынка труда в Республике Карелия: влияние миграции и демографического кризиса // Экономика труда. 2017. № 3. С. 243—256.
15. *Лачинский С. С., Семёнов И. В.* Санкт-Петербургский приморский регион: геоэкономическая трансформация территории. СПб., 2015.
16. *Клемешев А. П.* Российский эксклав на Балтике: эволюция эксклавности и пути ее преодоления // Балтийский регион. 2009. № 2. С. 102—115.
17. *Симонян Р. Х.* Калининградский эксклав: новая роль в условиях расширения ЕС // Власть. 2003. № 10. С. 55—60.
18. *Simonyan R.* Taking the train amber from Moscow to Kaliningrad // New Times. 2003. July. P. 21—24.
19. *Симонян Р. Х.* Калининградский мост в Евросоюз // Новое время. 2004. № 6. С. 12—14.
20. *Поляков Р. К., Дуров А. В.* Развитие Калининградской области в аспекте формирования кластерных образований // Российское предпринимательство. 2017. № 12. С. 1929—1948.
21. *Маслова Е. А., Шибкова М. О.* Позиция итальянских партий по вопросам санкций в отношении России // Современная Европа. 2017. № 3. С. 122—132.
22. *Каррер д'Анкос Э.* Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М., 2007.
23. *Савченко А. Е.* Дальний Восток в региональной политике Центра в 1990-е гг. (На примере Приморского, Хабаровского краев и Амурской области) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 3. С. 146—153.
24. *Трейвиш А. И.* Теоретическая география, геополитика и будущее России // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 23—33.
25. *Шумпетер Й. А.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
26. *Минакир П. А.* Экономика регионов. Дальний Восток. М., 2006.
27. *Минакир П. А.* Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2002. № 2. С. 3—18.
28. *Бейдина Т. Е., Новикова А. В.* Сотрудничество между Забайкальским краем и Китаем: функционирование региональных факторов с учетом внешних санкций // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Политология». 2017. Т. 16. С. 23—32.
29. *Мицук С. Н., Мошков А. В.* Трансформация территориальной структуры хозяйства Еврейской автономной области в пореформенный период // Региональные проблемы. 2017. № 2. С. 57—64.
30. *Симонян Р. Х.* Калининградский эксклав: балтийский Сингапур или штаб-квартира региона // Внешнеэкономические связи. 2004. № 2. С. 38—46.
31. *Жередиц Ю. С.* О некоторых вопросах развития морских портов Приморского края как базового условия экономического роста // Российское предпринимательство. 2007. № 5. С. 95—101.
32. *Blank St. J.* Toward a New Chinese Order in Asia: Russia's Failure // NBR Reports. 2011.
33. *Кузнецова Т. Ю.* Особенности динамики численности населения в граничащих друг с другом регионах России и стран Европейского союза // Балтийский регион. 2018. № 3. С. 41—57.
34. *Халикова С. С.* Оценка уровня бедности населения Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4. С. 2—17.
35. *Воротников В. В., Габарта А. А.* Влияние трудовой миграции на социально-экономическое развитие Польши и стран Прибалтики после 2004 г. // Современная Европа. 2016. № 6. С. 119—125.

Об авторе

Ренальд Хикарович Симонян, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра европейских исследований Института международных исследований, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России, Россия.

E-mail: sim@isras.ru

RUSSIA-EUROPEAN UNION AND RUSSIAN-CHINESE BORDERLANDS: ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC DIMENSION

R. H. Simonyan^a

^a MGIMO University,
76, Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russia

Received 5 May 2019
doi: 10.5922/2079-8555-2019-3-3

In the modern world, the intensity of inter-civilizational, intercultural and interstate interaction is increasing. Border regions, territories where this interaction involves direct contact, are of great importance in this process. This has given rise to a new area of research — border region studies. The Russian Federation has the longest state border, the largest number of neighbouring countries, and centuries of experience in the peaceful existence and cooperation between different cultures. Most importantly, the country straddles two continents. Located between two principal economic actors (the European Union and China), Russia binds the huge Eurasian continent into a single whole. It is very important to study Russian-European and Russian-Chinese border regions to make full use of their strategic advantages for the economic development of Russia. This task has been especially relevant since the deindustrialization of Russia, which occurred in the 1990s and most deeply affected the economy of the Russian periphery. In this article, I rely on the literature, national and regional statistics, and survey results to essay a border region study — a comparative analysis of the socio-economic and demographic processes taking place in Russia's western regions bordering on the EU and eastern ones bordering on China. My findings may contribute to providing a rationale for the need to abandon a commodity-driven economic model, as well as to creating a broader theoretical and methodological framework for Russia's strategy towards its neighbours.

Keywords:

border region studies, economy of border regions,
dynamics of demographic processes, shadow business

Reference

1. Krugman, P. 1997, Increasing Returns and Economic Geography, *The Journal of Political Economy*, no. 9, p. 181–188.
2. Mackinder, H. 1995, Axis of the World. *Politicheskie issledovaniya* [Policy studies], no. 4, p. 162–170 (in Russ).

3. Brzezinski, Z. 2009, *Velikaya shahmatnaya doska* [The Grand chessboard], Moscow, International relations, 280 p. (in Russ).
4. Kochegarova, T., 2015, West and East of Russia: a comparative analysis of cross-border cooperation with neighboring countries, *Gorizonty ehkonomiki*. [Economic horizons], no. 3, p. 33—39 (in Russ).
5. Vorotnikov, V., 2015, *Vneshnyaya politika gosudarstv Baltii v nachale XXI veka* [Foreign policy of the Baltic States at the beginning of the XXI century], Moscow, 272 p. (in Russ).
6. Levitov, I., 1903, *Zhyoltorossiya kak bufernaya koloniya* [Galtarossa as a buffer colony], St. Petersburg, 82 p. (in Russ).
7. Simonyan, R., 2010, The Concept of meso-level in relation to the region, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], no. 5, p. 52—61 (in Russ).
8. Simonyan, R., 2011, Russia and the European Union: the Baltic potential for economic integration, *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], no. 4, p. 48—60 (in Russ).
9. Gilinsky, Y. (sc. ed.) 1998, *Organizovannaya prectupnost' v Rossii: teoriya i real'nost'* [Organized crime in Russia: theory and reality], St. Petersburg, 96 p. (in Russ).
10. Novikov, D., 2010, Features of the shadow economy in the SEZ (on the example of the Kaliningrad region). *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian entrepreneurship], no. 1, p. 24—30 (in Russ).
11. Suharenko, A. 2011, The shadow economy of the Far East: gloomy prospects, *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. [Oikumena. Regional studies], no. 3, p. 148—156 (in Russ).
12. Reddaway, P., Glinsky, D. 2001, *The Tragedy of Russia Reforms: Market Bolchevism against Democracy*, Washington, D.C., US Inst. of Peace Press, 745 p.
13. Homuha, S. 2012, Problems and prospects of development of organizational and economic management of production activities of territorial production complexes in Murmansk, *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian entrepreneurship], no. 7, p. 162—168 (in Russ).
14. Romashkina, Y. 2017, Asymmetries of the labor market in the Republic of Karelia: the impact of migration and demographic crisis, *Ekonomika truda* [Labor Economics], no. 3, p. 243—256 (in Russ).
15. Lachinskii, S., Semyonov, I. 2015, *Sankt-Peterburgskii primorskii region: geoekonomicheskaya transformatsiya territorii* [Saint-Petersburg seaside region: geo-economic transformation of the territory], St. Petersburg, 191 p. (in Russ).
16. Klemeshev, A. 2009, Russian Exclave on the Baltic Sea: Evolution of Exclavity and Ways to Overcome It, *Balt. Reg.*, Vol. 1, no. 2, p. 86—97. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2009-2-11>.
17. Simonyan, R. 2003, Kaliningrad exclave: a new role in the context of EU enlargement, *Vlast* [Power], no. 10, p. 55—60 (in Russ).
18. Simonyan, R. 2003, Taking the train amber from Moscow to Kaliningrad, *New Times*, July 2003, p. 21—24.
19. Simonyan, R. 2004, Kaliningrad bridge to the European Union, *Novoe vremya* [New Times], no. 6, p. 12—14 (in Russ).
20. Poljakov, R., Durov, A. 2017, Development of the Kaliningrad region in the aspect of the formation of cluster formations, *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Journal of Russian entrepreneurship], no. 12, p. 1929—1948 (in Russ).
21. Maslova, E., Shibkova, M. O. 2017, Attitudes of the Italian Parties to the Sanctions against Russia, *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], no. 3, p.122—132 (in Russ).
22. Carrère d'Encausse, E. 2007, *Evrazijskaya imperiya: Istoriya Rossijskoj imperii s 1552 g. do nashih dnei* [Eurasian Empire: the History of the Russian Empire from 1552 to the present day], Moscow, 432 p. (in Russ).
23. Savchenko, A. 2013, Far East in the regional policy of the Center in the 1990s (on the example of the Primorsky, Khabarovsk territories and the Amur region), *Socialnye i gumnitarnye nauki na Dalnem Vostoke* [Social and humanitarian Sciences in the far East], no. 3, p.146—153 (in Russ).
24. Treivish, A. 1992, Theoretical geography, geopolitics, and the future of Russia, *Svobodnaya mysl* [Free thought], no. 12, p. 23—33 (in Russ).
25. Schumpeter, J. A. 1995, *Kapitalizm, Socializm i Demokratiya* [Capitalism Socialism and Democracy], Moscow, 540 p. (in Russ).

26. Minakir, P. 2006, *Ekonomika regionov. Dalnij Vostok* [Regional Economy. Far East], Moscow, 848 p. (in Russ).
27. Minakir, P. 2002, Economic and social development of the Far East and Transbaikalia, *Vestnik Dalnevostochnogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the far Eastern branch of the Russian Academy of Sciences], no. 2, p. 3–18 (in Russ).
28. Bejdina, I., Novikova, A. 2017, Cooperation between the Zabaikalye territory and China: the functioning of regional factors, including external sanctions, *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya»* [News of Irkutsk state University. Series «Political Science»], no. 16, p. 23–32 (in Russ).
29. Mishchuk, S., Moshkov, A. 2017, Transformation of the territorial structure of the economy of the Jewish Autonomous region in the post-reform period, *Regionalnye problem* [Regional problems], no. 2, p. 57–64 (in Russ).
30. Simonyan, R. 2004, Kaliningrad exclave: the Baltic Singapore or headquarters in the region, *Vneshneekonomicheskie svyazi* [Economic ties], no. 2, p. 38–46 (in Russ).
31. Geredy, Y. 2007, About some questions of development of sea ports of Primorsky Region as a basic condition of economic growth, *Rossijskoe predprinimatelstvo* [Russian entrepreneurship], no. 5, p. 95–101 (in Russ).
32. Blank, St. 2011, *Toward a New Chinese Order in Asia: Russia's Failure*, NBR Reports, 216 p.
33. Kuznetsova, T., 2018, Population Change in the Neighbouring Regions of Russia and the European Union States, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 3, p.41–57. Doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-3>.
34. Halikova, S. 2018, Poverty assessment of the population of Khabarovsk Krai, *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia], no. 4, p. 2–17 (in Russ).
35. Vorotnikov, V., Gabarta A. 2016, Impact of labor migration on socio-economic development of Poland and the Baltic countries after 2004, *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], no. 6, p. 119–125 (in Russ).

The author

Prof. Renald H. Simonyan, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University), Russia.

E-mail: sim@isras.ru
